

пряд становится старым. Но кокон его не защищает. Мёд готов, но он принадлежит чужим, хотя пчела сама еще голодна). В «Постоянных изречениях» Фэн Мэнлуна находим: «又似采花蜂□蜜, 甜□到底被人收» («醒世恒言 □梦□») (Работаю усердно, как пчёлы собирают нектар и вырабатывают мёд, но еще неизвестно, кому будут принадлежать плоды их труда).

В Китае пчёлы почитаются как высокоорганизованные насекомые. Они совместно ищут пищу, воду, жильё, сообща защищаются от врагов. В улье пчёлы строят соты, ухаживают за потомством и маткой. Каждая пчела исполняет свою функцию. Поэтому в настоящее время пчеле придают новое символистическое значение: она знак коллективного труда.

Таким образом, китайская традиция концептуализирует такие качества пчелы, как трудолюбие, скромность, бескорыстие, благородство, коллективизм, смелость. Пчела – это друг цветов и символ весны.

Литература

Аврамова В. Концептосфера оценочности в национальной языковой картине мира // Балканская русистика <http://www.russian.slavica.org/article1007.html>.

Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010.

Скорнякова Р.М. Лингвокультурологическая концепция моделирования языковой картины мира // Автореф. ... дисс. д-ра филол. наук. М.: МГПУ, 2010.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи // Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: Аст-Пресс, 2007.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академ. проект, 2001.

И.И. Чумак-Жунь (Россия, Белгород)

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Модель коммуникативной деятельности можно представить как совокупность мотивирующей и мотивированной программ речемышления. Основанием для интерпретации текста как двуединого процесса служат общие свойства порождения и восприятия текста, а также лежащий в их основе единый универсальный механизм текстовой деятельности, воспринимаемый с противоположных (автор – читатель) позиций. Заложённая в поэтическом тексте информация формирует «читательскую позицию» получателя, «подсказывая», какие установки следует активизировать при чтении поэтических текстов. Читатель не является пассивным воспринимающим – он дискурсивно подготовлен к тому, чтобы «воссоздать» поэтическую реальность в большем или меньшем соответствии с идеологией текста. По мнению многих исследователей художественной коммуникации, содержание художественного произведения развивается не в художнике, а в понимающем. Так, А.А. Потебня писал, что «слушающий может гораздо лучше говорящего понимать, что скрыто за словом, и читатель может лучше самого поэта постичь идею его произведения. Сущность, сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его содержании» [Потебня 1989: 167]. Таким образом, дискурсивный подход делает актуальной проблему изучения поэтического текста в аспекте соотносительности «автор-текст-читатель», то есть в свете особенностей как текстопорождения, так и текстовосприятия.

Восприятие является существенным элементом всякого творческого процесса: способность читателя к сотворчеству восполняет текст, множественность интерпретаций текста свидетельствует о преобразовании текста читателем [Кузьмина 1999: 61-77]. Именно множественность интерпретаций является основной особенностью восприятия поэтического текста. Какие же факторы обуславливают эту множественность, с чем она связана? В когнитивно-дискурсивном ракурсе множественность интерпретаций можно рассматривать и как субъективный, и как объективный фактор поэтической коммуникации. Субъективно интерпретация может быть связана с особенностями читателя как поэтической языковой личности и определяться его конкретными коммуникативными целями, уровнем знаний, социальным статусом, психологическими и биологическими особенностями, временем и местом осуществления коммуникации и т.д. Так, внутритекстовая ситуация стихотворения А. Ахматовой «Распятие», воспринимаемая как необыкновенной художественной силы картина горя матери, в зависимости от особенностей когнитивной базы реципиента,

может соотноситься в его сознании с текстом Библии, а может осознаваться и в связи с затекстовой ситуацией написания стихотворения (арест сына А. Ахматовой). Не исключено, что в сознании реципиента эти факторы сосуществуют. Читательская интерпретация далеко не всегда совпадает даже при одинаковых исходных исследовательских позициях. Так, вполне правомерной кажется интерпретация миниатюры А. Ахматовой «Распятие» в свете библейской символики, причём лирическая героиня выступает при подобном понимании как Богородица [Бурдина 2003]. Однако, по мнению С.В. Бурдиной, А. Ахматова ориентируется в своей миниатюре на Евангелие от Иоанна, с которым перекликаются последние слова четверостишья. Ср.: «Если говорить об ориентации на Священное Писание, то в своей трактовке центрального эпизода Евангелия Ахматова ближе к Евангелию от Иоанна. В нем – единственном! – обращается внимание на то, что «при кресте Иисуса стояла Мать Его...» [Бурдина 2003: 188]. При этом исследователь отмечает: «Не может не поразить тот факт, что и Марк, и Матфей, и Лука, перечислив по имени некоторых женщин, присутствовавших при казни, <...> – ни слова не сказали о Матери» [Бурдина 2003: 188]. В нашей же интерпретации именно последние строки стихотворения (*А туда, где молча мать стояла, так никто взглянуть и не посмел*) могут служить своеобразным истолкованием того, почему в тексте Библии не изображается образ матери у креста. Ключом к этой интерпретации является пропозиция **никто взглянуть и не посмел**. Горе матери при виде мучений и смерти сына столь велико, безысходно и страшно, что **никто** (в том числе евангелисты) **не посмел туда взглянуть**, а соответственно, и описать. И в этом смысле в Евангелии от Иоанна нет никаких отличий – горе матери не описано, есть диалог между Иисусом и учеником, в котором Сын просит позаботиться о Матери.

Помимо различия кодов читателя и писателя, а также кодов разных читателей, значимы и те социально-исторические, культурные и языковые изменения, через которые проходит литературное произведение на пути к читателю, при которых, по мнению Ю.М. Лотмана, возникают непредсказуемые интерпретации в ходе «сделок» с новыми читателями. Читатель, интерпретируя текст, основывается на культурных традициях своей эпохи; используя знания «вертикального контекста» (О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет), свой «тезаурус» (З.Я. Тураева), он глубже проникает в тот «глубинный пласт этической национальной картины мира» (Е.И. Диброва), который запечатлен в поэтическом тексте.

Кроме всего вышесказанного, текст при разных прочтениях меняется и в сознании одного читателя. Поэзия как «лингвистический эквивалент мышления» прежде всего рефлексивна. Это определяет не только наличие в тексте автокоммуникации, но и потребность в многократном перечитывании и запоминании, провоцирующем со-творчество, со-мышление, со-переживание таким образом, что возникает автокоммуникация у читателя как отражение авторской коммуникации, заложенной в структуре поэтического стихотворения [Левин 1998].

Множественность интерпретаций обусловлена не только индивидуальностью поэтической личности читателя (субъективными факторами), но и уникальностью поэтического текста как психолого-эстетического феномена, так как он создается автором для выражения своих индивидуальных представлений о мире, знаний о мире при помощи набора языковых средств и направлен читателю. Специфика восприятия поэтического текста (множественность интерпретаций) обусловлена в таком случае объективными (дискурсивными) законами – законами построения поэтического текста, заключающимися в малой его предсказуемости (избыточности), а соответственно, в высокой информативности. На первый взгляд, тезис о малой предсказуемости поэтического текста является парадоксальным. Ведь поэтический текст обладает «собственно поэтическими структурными элементами» – ритмом и рифмой, элементами упорядоченности, которые должны повысить его предсказуемость и избыточность. Этот парадокс рассматривает Ю.М. Лотман в «Лекциях по структуральной поэтике» [Лотман 1994]. Отмечая элементы упорядоченности в поэтическом тексте, которые понижают информативность, он утверждает, что одновременно она повышается в силу других факторов – «от превращения всех элементов текста в семантически насыщенные, от их взаимной соотнесенности...». В немалой степени повышение информативности объясняется «теснотой стихового ряда», соответственно, связями каждого поэтического слова не только «по горизонтали», как в прозаическом тексте, но и «по вертикали». Эта множественная связь каждого поэтического слова создает приращение смыслов. Соответственно, в поэзии практически каждое слово может быть воспринято и интерпретировано по-разному и поэтическая структура становится более насыщенной смыслами и способной передавать такие сложные смысловые оттенки, которые обычным языком вообще непередаваемы. Ср.: *Ты, знающая дальней цели Путеводительный маяк, простишь ли мне мои метели, Мой*

бред, поэзию и мрак? Иль может лучше: не прощая, Будить мои колокола, Чтобы распутица ночная От родины не увела? (Блок, «Под шум и звон однообразный...»).

Поэтический коммуникативный акт предназначен для выработки новой информации. Этим, в соответствии с точкой зрения Ю.М. Лотмана, он отличается от коммуникативного акта, целью которого является передача константной (научной) информации, при которой текст «без потерь и искажений передаётся от адресанта к адресату» [Лотман 1992: 25]. В поэтическом дискурсе действие системы определяется нетривиальным сдвигом значения в процессе движения текста от передающего к воспринимающему. Нетривиальным Ю.М. Лотман называет такой сдвиг значения, который «однозначно непредсказуем и не задан определёнными алгоритмами трансформации текста» [Лотман 1992: 26].

В основе читательской интерпретации лежит универсальная текстообразующая категория связности, основными механизмами реализации которой являются ретроспекция и проспекция. Ретроспекция определяется как свойство текста заставлять обращаться к ранее сообщенной содержательно-фактуальной информации, проспекция – как свойство текста возбуждать предсказуемость содержательно-фактуальной информации, эксплицитно выраженной в последующих частях текста [Гальперин 1980: 44].

Стимулом читательской активности, движущим мотивом диалога читателя с текстом является, по мнению многих исследователей, наличие в тексте зон неопределенности, пробелов, «пустых мест», текстовых лакун, имплицитов и пр. (Ингарден 1962; Молчанова 1988; Iser 1980; Воробьева 1993). Создавая рецептивные трудности, они тем самым стимулируют, включают процесс когнитивной обработки текста по принципу челнока: у читателя создаются некоторые ожидания, определяющие проспекцию, которые проецируются на семантику текста и его фрагментов, одновременно происходит формирование концептуальных представлений о семантических и структурных компонентах текста, которые сверяются с опытом (корректируя и обогащая его), что и позволяет заполнять лакуны. Разрешая таким образом неоднозначность, читатель сводит полисемантические возможности текста к какой-то одной интерпретации. Предсказуемость способствует расшифровке текста. Это имеет место и в том случае, когда происходит нарушение субъективно-читательской проспекции – так называемый прием обманутого ожидания (Р. Якобсон). В этом случае ожидание, прогнозируемое в тексте, связанное с исходным представлением, сталкивается с неожиданным смыслом, обусловленным контекстом. Созданный в таком случае поэтический образ подобен «вспышке», вызванной удивлением, «неожиданным переосмыслением одного языкового знака в контексте другого» [Славинский 1975: 273-274]. Антагонистом данного является прием подтвержденного ожидания, наименованный и описанный, в основном, Гальпериной Л.И. [1989: 8-17] как стилистический прием, при котором появление каждого элемента мотивировано предшествующим и мотивирует последующий, то есть последующее отчасти представлено в предыдущем. О.П. Воробьева подчеркивает весьма важный момент: элементы неоднозначности связаны с «точками контакта» автора и читателя, выполняющими роль сигналов адресованности текста. Исследователь отмечает, что сигналы адресованности возникают «во-первых, там, где существует рецептивная трудность, моделируемая автором для своих читателей или не входящая в его намерения, однако обнаруживаемая в тексте, в основе которой лежит неполнота и/или неоднозначность текста и которую читателю необходимо преодолеть для реконструкции единого с автором смыслового поля. Во-вторых, там, где прослеживается некоторая программа восприятия, задаваемая текстом, своего рода инструкция, направляющая читательское восприятие и интерпретацию и позволяющая ему построить соответствующую концептуальную модель текста из тех «слепок» опыта, которые содержатся в его памяти в момент восприятия текста. И, наконец, там, где наличие рецептивной трудности сопровождается указаниями – явными или скрытыми, верными или ложными – на возможный путь ее преодоления, то есть актуализируется непосредственное взаимодействие неопределенности и заданности текста или его компонентов» [Воробьева 1993: 57].

Выделенные случаи возникновения «точек контакта» интерпретируются как проявление когнитивного механизма адресованности текста, рассматриваемой в качестве прототипической категории последнего.

Без сомнения, интерпретация может считаться адекватной лишь тогда, когда читатель смог истолковать (раскодировать) информацию в соответствии с замыслом поэта. В этом смысле существенны те «когнитивные составляющие» поэтического сознания, которые необходимы и достаточны для того, чтобы информация, заложенная в поэтическом тексте, была раскодирована/

Литература

Бурдина, С.В. Поэмы А. Ахматовой: роль «вечных образов» культуры в формировании жанра: дис. ... доктора филол. наук. М., 2003. 388 с.

Воробьева О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста: (Одноязыч. и межъязыковая коммуникация): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Москва, 1993. 382 с.

Гальперин И.Р. Ретроспекция и проспекция в тексте // Филол. науки. 1980. № 5. – С. 44-52.

Гальперина Л.И. К вопросу об эффекте подтвержденного ожидания и его роли в структуре художественного текста // Структурно-содержательные характеристики текста: сб. науч. тр. Фрунзе, 1989. С. 8-17.

Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург, Омск, 1999. 268 с.

Левин Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 464-482.

Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 240–245.

Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 622 с.

Славинский Я. К теории поэтического языка // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 256-276.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193-230.

В.Д. Шевченко (Россия, Самара)

ДИССОНАНСНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДИСКУРСАМИ

В современной публицистике журналисты часто используют интертекстуальные включения с целью сравнения объектов и явлений, передаваемых включенным и принимающим текстами. Создаваемый таким образом контраст между содержанием взаимодействующих текстов служит эффективным приемом воздействия на сознание реципиента. Мы полагаем, что в результате включения интертекстуального фрагмента происходит взаимодействие не только между формой и содержанием включенного и принимающего текстов, но и между репрезентируемыми ими дискурсами. По нашим наблюдениям, дискурсы, к которым относятся включенный и принимающий тексты, вступают в различные типы отношений, в том числе и в диссонансные. Диссонансный тип отношений между дискурсами возникает в случае сходства когнитивных моделей ситуаций, реализуемых во взаимодействующих текстах; однако некоторые из компонентов этих моделей отличаются друг от друга, результатом чего является несовпадение элементов содержания. Диссонансные отношения между дискурсами позволяют проследить несовпадения в когнитивных моделях ситуаций, которые обусловлены произошедшими в них изменениями, что в результате приводит к обновлению моделей, хранящихся в памяти индивидов.

Особенности отражаемых в дискурсах моделей ситуаций обусловлены спецификой того или иного периода, эпохи. Прослеживая различия между составляющими моделей, реципиент будет обращаться к тому культурно-историческому периоду, к которому относится текст, чтобы понять, какими событиями и явлениями могут быть вызваны эти несоответствия.

В настоящей работе анализ направлен на выявление гетерогенности структур когнитивных моделей схожих ситуаций. Не совпадать могут различные компоненты моделей ситуаций, конструируемых на основе дискурса. Рассмотрим, как передается несовпадение такого компонента когнитивных моделей ситуаций, как «количество участников». Обратимся к примеру из статьи «*Keeping out more than terrorists*», повествующей о прибытии в США граждан других стран: «*On the boats and on the planes/ They're coming to America/ Never looking back again/ They're coming to America.*» *Neil Diamond might want to rethink the lyrics of his 1980 hit in light of recent developments*» (The Economist, February 10th, 2007, p. 49). В репрезентируемых песенном и публицистическом дискурсах реализуется когнитивная модель ситуации «въезд иностранцев в страну», т.е. наблюдается сходство между предметно-референтными ситуациями, к которым относятся цитата и принимающий текст. Несовпадение касается такого компонента ситуаций, как «количество участников». Во фрагменте песенного дискурса элементы содержания, связанные с данным компонентом ситуации, переданы имплицитно. Путем упоминания двух видов транспорта (*On the boats and on the planes*) автор передает квантитативное значение. Смысл «большое количество» передается имплицитно во включенном тексте в соответствии со спецификой коммуникации в песенном дискурсе. Посредством высказывания «*Never looking back again*» передается позитивное отношение людей к стране-пункту назначения и негативное или безразличное отношение к странам, из которых они приехали.